

М.И. Зуй

ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЮ

Пособие

Санкт-Петербург

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НИЗКОТЕМПЕРАТУРНЫХ И ПИЩЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

М.И. Зуй

ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЮ

Пособие

Санкт-Петербург 2007

УДК 316
ББК 60.5
3 93

З 93

Зуй М.И.

Введение в социологию: Пособие. – СПб.: СПбГУ-
НиПТ, 2007. – 35 с.

Пособие подготовлено в соответствии с программой и Государственным образовательным стандартом. В доступной форме изложены основные темы социологии.

Пособие предназначено для студентов всех специальностей как очной, так и заочной форм обучения. Может быть полезно преподавателям.

УДК 316
ББК 60.5

Рецензент

Канд. филос. наук, доц. А.Н. Малахов

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом уни-верситета

© Санкт-Петербургский государственный
университет низкотемпературных
и пищевых технологий, 2007

© Зуй М.И., 2007

ВВЕДЕНИЕ

Студенты имеют уникальную возможность познакомиться с рядом наук. Правда, многие с удовольствием отказались бы от такого «счастья». Почему? Ведь знания – не лишние килограммы веса или болезни, которые приходится постоянно носить с собой. Можно выразиться иначе: *человек есть то, что он знает*. Тем не менее, желание познавать присутствует далеко не всегда.

По каким причинам складывается подобная ситуация – это требует отдельного серьезного обсуждения. Наша задача иная: попытаться хотя бы контурно обозначить *особенности социологии*, без осмысления которых можно долго блуждать в зарослях общественности, так и не осознав специфику социологии. Ведь общество изучают науки: философия, история, этнография, социальная психология, правоведение, политология.... Не стоит пренебрегать религией, искусством, глубокие прозрения которых нередко опережают науку. Да и обыденное познание способно быть носителем непреходящих истин. Неужели без участия социологии познавательных усилий недостаточно для того, чтобы понять закономерности существования и развития общества? Это значит, что само возникновение социологии – проблема. Нашла ли она свое место в кругу общественных наук? И действительно, эта наука вырабатывает знания, без которых понятийное воспроизведение общества невозможно? Или же, безнадежно опоздав, «пережевывает чужое», т. е. «переодевает» в иные терминологические одежды *уже имеющиеся знания*?

Когда возникают такие науки, как генетика, квантовая механика, кибернетика, не вызывает удивления, что это произошло *недавно* (по историческим меркам). Понятно, что должны были созреть технические, технологические и иные предпосылки. Социология также возникла *недавно* – в 30-х годах XIX века. Почему же так поздно? Никакого сверхсовременного технического инструментария она не использует, что сразу лишает нас веских аргументов, позволивших бы легко и быстро найти ответ. Возможность применять компьютеры есть сегодня у любой науки. По сути дела, основное вооружение социолога – то же самое, что и у исследователя во времена Платона: *созерцание и размышление*. Virtuозность вопрошания Сократа вполне «потянет» на современные методики «опроса» и «интервьюирования». Речь идет не о пренебрежении или отвержении какого-либо

современного исследовательского инструментария. Чем основательнее методически оснащен социолог, тем лучше. Но без развитой способности созерцания и размышления ему вряд ли помогут любые средства.

Итак, наша *первая задача*: попытаться понять, как и почему возникла социология. Если какая-либо наука (или другой социальный феномен) возникает в определенное, четко фиксируемое время, это вызывается серьезными социальными причинами, далеко не всегда очевидными. Не отыскав причин, мы находимся, образно говоря (и несколько преувеличивая), в положении «обезьяны с гранатой». Можно сказать, что мы будем не в состоянии понимать, какое влияние наука *объективно* оказывает на наши души. А влияние это всегда очевидно. Даже в обыденном общении мы без особого труда отличим врача от милиционера или учителя (заранее не зная, кто есть кто).

Вторая задача (тесно связанная с первой): уловить специфику социологического подхода к человеку и обществу. Это нужно для того, чтобы извлечь пользу из изучения данной науки, т. е. сделать шаг вперед в собственном духовном развитии. Ведь каждая наука в этом плане что-то нам может дать, а чего-то – нет. Если наши ожидания не соответствуют ее возможностям, мы много времени можем потратить впустую.

Чтобы решить поставленные задачи, мы проанализируем несколько проблем, позволяющих «войти» в социологию (или хотя бы подойти к ней). Очевидно, что начать мы должны с исторического экскурса. А затем рассмотрим темы, наиболее зримо выражающие особенности социологического подхода к своему предмету исследования. В итоге, будем надеяться, сумеем прийти к обоснованным выводам.

1. ПРЕДЫСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Термин социология происходит от латинского *societas* – общество и греческого *logos* – учение, слово. Дословно: наука об обществе. Автор названия – О. Конт (1798–1857). Какие-то знания об обществе у людей были всегда. И весьма глубокие. Достаточно вспомнить

Платона или Аристотеля. Но социологическими знания об обществе могли стать только со времен Конта.

Мы сразу совершим ошибку, если будем исходить из распространенного представления, что люди прошлых эпох знали и понимали гораздо меньше нас. Подобное «гносеологическое высокомерие» неуместно. Философия, пирамиды, храмы, водопроводы... свидетельствуют, что древние люди обладали обширными знаниями.

Человек устроен так, что мир не обеспечивает его всем необходимым для жизни. Первый и основной способ разрешения этой неудовлетворенности – познание. Однако в разные периоды истории человек и познает по-разному. Его физический облик почти неизменен уже тысячи лет. Но его душевная и духовная организация изменяется намного быстрее. А именно от нее зависит, что и как человек может понимать, чувствовать, знать, переживать и т. п. Если это упустить из виду, неизбежно возникает представление об отсутствии или минимуме знаний древних людей.

Более корректной будет констатация: древний человек был *душевно и духовно организован иначе, и знал он по-другому*. Какие-то пласты знаний, доступные ему, уже неподвластны нам. И наоборот.

Человек всегда живет в бесконечно многообразном мире. И это многообразие по-разному предстает перед ним. Человеческие знания и умения далеко не всегда осознаны. То, что осознается, должно быть как бы поставлено перед человеком, и его он воспроизводит произвольно, в результате осознанных усилий. То, что в данный исторический момент не осознается, но необходимо для жизнедеятельности, воспроизводится стихийно, в известном смысле «инстинктивно».

Углубленный взгляд на человека выявляет его *триединство*, которое может быть выражено несколькими вариантами: дух, душа, тело; мышление, чувства, воля и др. Для греков это обстоятельство еще было живым переживанием, что ярко отразилось в учении Платона о государстве. В сознании людей того времени общество и человек имеют аналогичную структуру.

В далеком прошлом человек был устроен так, что его внутренний и внешний миры не имели четкого разграничения. Себя и общество человек переживал как единство. Поэтому не могло быть науки об обществе как о чем-то внешнем для человека.

В Древнем Египте возникла потребность одну из частей триады отразить в объективной реальности. Это значит: духовная сфера становится самостоятельной, что воплотилось в религиозной (теократической) организации общества во главе с «живым Богом» – фараоном, в огромной роли жрецов, мистериальных праздниках, строительстве пирамид (не имеющих утилитарного значения), мумифицировании умерших и т. д. Духовная сфера выстраивается и воспроизводится сознательно. Разумеется, в сознании рождаются представления, отличные от современных, но главное не это, а то, что они порождаются осознанно – поставлены перед сознанием как объект произвольного манипулирования. При этом государственно-политическая и хозяйственная жизнь идут как бы сами по себе, без осознания их специфических закономерностей.

Сути дела не меняет то обстоятельство, что далеко не все люди совершают религиозные обряды осознанно. Большая часть пользователей мобильных телефонов вряд ли понимают законы их функционирования. Но из-за этого мы не станем утверждать, что мобильная связь существует и развивается неосознанно, стихийно. Главное, что духовная сфера осознается и контролируется *в реальности*. В сохранившихся письменных источниках мы находим описания, *адекватные* тем или иным аспектам духовной жизни. И не находим таковых в отношении политических и хозяйственных процессов, то есть не встречаем текстов, в которых рассуждения строились бы в русле их собственной сущности. Если они и есть, то даны в религиозном контексте, а не в имманентной им логике.

В Древних Греции и Риме сохраняется самостоятельность духовной сферы, изменяющаяся соответственно исторической необходимости. Величественный Олимп во главе с Зевсом невидимыми лучами пронзает всю античную культуру: храмы, оракулы, таинственные мистерии, философию, Олимпийские игры. Но созрела потребность внешнего отражения второй части триады: образуется государственно-политическая сфера. Возникают философские учения о государстве, праве. Практически создаются государства (полисы), основанные на праве, демократии. Политическая жизнь полиса сознательно выстраивается и поддерживается самими гражданами. Но ни у греков, ни у римлян мы не находим подробного анализа

хозяйственной жизни. Она по-прежнему развивается более-менее стихийно.

Подобная ситуация сохраняется в течение столетий. С тем уточнением, что античные боги сошли с исторической арены, уступив место Христу. Христианство радикально преобразовало духовную и государственно-политическую сферу. Но специфически экономического анализа хозяйственной сферы – соответствующих понятий, логики рассуждений, постановки вопросов – мы не находим вплоть до XV века.

И только с XVI века начинает выделяться хозяйственная сфера, формируется экономическое мышление. Созрела потребность видеть человека отраженным во внешней социальной структуре, во всей его целостности. Наряду с духовной и государственно-политической самостоятельной становится и хозяйственная сфера. К XIX веку человек душевно и духовно изменился так, что общество в сочетании трех основных сфер предстало перед ним как нечто самостоятельное, как его собственная внутренняя природа. Теперь на общество можно смотреть как бы со стороны, как на внешний объект, который можно объективно изучать. Это значит, что наступило время науки социологии.

Обширные и глубокие знания об обществе, создававшиеся в рамках философии и теологии, отличались тем, что они были органично связаны с самим человеком, выступали компонентом его жизнедеятельности. Представления о должном, идеальном, желаемом (или – более обобщенно – ценностные установки) лежали в основании общественнознания. Социология безжалостно рвет эту связь и желает выяснить не то, что должен делать человек, а то, что он *реально делает*. Его действия имеют объективные последствия (которые потом сами становятся причиной действий), значит, к ним и надо относиться объективно – как к своего рода вещам, существующим независимо от человека.

Следовательно, социология предлагает особый взгляд на общество, невозможный ранее, вплоть до XIX века. Поэтому она производит специфические знания, не дублирующие те, что выработаны до нее или без нее.

2. КОНТУРЫ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Поскольку, по указанным выше причинам, социологический подход к обществу невозможен до XIX века, постольку историю социологии целесообразно излагать начиная с момента ее возникновения. Ведь в том, что древнейший человек умел считать, начала математики как науки мы не усматриваем. В данном случае наметим именно *контуры* истории социологии, чтобы понятнее была логика ее развития.

Сформировавшийся к XIX веку естественно-научный взгляд на общество отождествлял его с природным объектом. Это означало, что общество надо изучать так же, как и природу. Это и утверждал О. Конт. Первоначально новая наука даже называлась «социальной физикой». В истории общества Конт выделил три стадии: религиозную (объяснение всего происходящего действием сверхъестественных сил), метафизическую (все существующее выводится и объясняется абстрактными понятиями и идеями), позитивную (господство научного познания, основанного на эмпирических фактах). Социология должна быть позитивной наукой, открывающей неизменные, естественные законы общества. Знание этих законов – основа успешного управления и реформирования общества. Конт, конечно, проводил различия между природой и обществом, но все же социологию он выстраивал по законам естествознания.

Общество – часть природы, возникшая в ходе эволюции. Однако природа – это и река, и скала, и пустыня, и стая волков и т. д. Отождествлять общество со всей природой – вряд ли плодотворно. Но между обществом и биологическим организмом можно провести существенные параллели. Это и делает Г. Спенсер (1820–1903). По теории Спенсера, общество, как биологический организм, в ходе развития наращивает массу (численность населения, материальные ресурсы и т. п.) и усложняет структуру (растет число групп, социальных институтов). Усложнение структуры меняет и усложняет и ее функции. Если какой-то элемент (орган) не выполняет свою функцию или выполняет не свою, обществу грозит распад (болезнь или смерть). В обществе все должно происходить по законам эволюции: выживает наиболее приспособленный. Разумеется, Спенсер не отождествлял общество и биологический организм, указывая на суще-

ственные различия между ними. Но его концепция – натуралистическая.

У К. Маркса (1818–1883) нет социологических работ, но его взгляды, изложенные в философских, политических, экономических работах, оказали влияние на социологию по той причине, что логика его рассуждений соответствует духу социологии. По Марксу, даже сущность человека не в нем самом, а в совокупности всех общественных отношений, т. е. вне него. Маркс многообразие общественных явлений объясняет одним из них – экономикой. Это вполне социологично: объяснять одни социальные явления через другие. Но свести все социальное многообразие к одному порождающему фактору вряд ли возможно. Поэтому форма рассуждений Маркса прижилась в социологии, содержательная сторона его концепции значила гораздо меньше.

Уже в XIX веке обнаружились недостатки натуралистического понимания общества и возникли другие подходы. Социальное необъяснимо биологически, предполагает учет иных факторов, социальных же по своей сути (и не только экономических). Социальные факторы могут быть наиндивидуальными или, наоборот, выражать действия индивида. Первый вариант разработал Э. Дюркгейм, второй – М. Вебер.

Э. Дюркгейм (1858–1917) понял, что общество надо исследовать как особый тип реальности. Иначе говоря, он первый выделил предмет изучения социологии – социальную сферу. Совокупность людей становится обществом тогда, когда она сама себя структурирует. Это происходит благодаря солидарности, основанной на разделении труда. В разных обществах солидарность бывает разной, но она производит особый продукт – коллективное сознание: привычки, традиции, обычаи, законы, язык.... Это социальные факты, которые надо рассматривать как вещи. Они существуют независимо от индивида и принудительно воздействуют на него. В этом смысле общество доминирует над индивидом и более «реально». Социальные факты должны объясняться другими социальными фактами.

М. Вебер (1864–1920) согласен, что наука должна опираться на факты. Но социальные факты специфичны. Своим действиям люди придают смысл. Поэтому недостаточно описать действия, внешне их наблюдая. Их надо понять. А понять – значит выявить мотивы. Ученый должен мысленно поставить себя на место изучаемого инди-

вида. Мотивы поведения можно раскрыть благодаря знанию того, что в сходных ситуациях большинство людей поступает одинаково. Социология должна изучать не формы коллективности, а действия отдельных индивидов. В социальном действии индивид соотносит свое поведение с поведением других индивидов. Понимание в социологии достигается через идеальный тип – искусственно сконструированное понятие, синтезирующее наиболее значимые черты изучаемого явления. Понимание – соотнесение эмпирической реальности с идеальным типом.

Современные социологические теории развиваются в направлениях, заданных Э. Дюркгеймом и М. Вебером, либо пытаются их синтезировать. В XX веке возникло множество школ, течений, гипотез, концепций. В качестве иллюстрации выделим три школы, представляющие три основных направления:

– закономерности общества в целом: структурно-функциональный анализ – Т. Парсонс (1902–1979), Р. Мертон (1910);

– личность, внутренние мотивы действия: символический интеракционизм – Дж. Мид (1863–1931), Г. Блумер (1900–1987);

– процессы взаимодействия общества и индивида: теория социального обмена – Дж. Хоманс (1910–1989), П. Блау (1918).

Структурно-функциональный анализ основную задачу социологии видит в изучении структур и механизмов, обеспечивающих устойчивость социальной системы. Устойчивость любой функционирующей системы достигается при условии реализации ряда функций. В структуре общества это:

1. Адаптация (приспособление к внешней среде).
2. Достижение цели (удовлетворение интересов и потребностей людей).
3. Интеграция (обеспечение единства, отсутствие конфликтов).
4. Латентность (поддержание культурных традиций).

Четырем функциям соответствуют четыре подсистемы: а) органическая (действие экономических институтов); б) личностная (действие политических институтов); в) социальная (действие правовых институтов); г) культурная (действие культурных институтов). Если подсистемы функционируют согласованно, общество сохраняет стабильное состояние, если нет – общество разрывают конфликты и противоречия.

Сторонники символического интеракционизма настаивают на необходимости первоочередного изучения субъективной стороны социального действия. Люди – социальные существа. Но, в отличие от пчел, муравьев, термитов, они не обладают врожденными моделями поведения, которые связывали бы их друг с другом. Как же люди согласовывают свои действия?

Человеческое общество возникает и существует потому, что у людей есть способность общаться посредством символов. Мы совершаем действия, сообразуясь со значениями, которые в них вкладываем. Изначально значения не присущи вещам. Они – продукт взаимодействия (интеракции) индивидов, осуществляемого с помощью символов (жестов, речи). Значения определяются и изменяются в результате интерпретации каждого индивида. Объективный характер социальной реальности есть лишь следствие единства субъективных интерпретаций окружающего мира. Факты сами по себе не существуют, они – творение человека. Например, созвездие Большой Медведицы древние сирийцы видели как Дикого Вепря, индусы – Семь Мудрецов, китайцы – Северную Корзину. Если люди даже несуществующие вещи определяют для себя как реальные, это имеет объективные последствия. Поэтому общество может быть понято на основе интерпретации людьми общественных явлений.

Теория социального обмена выступила теоретической оппозицией структурному функционализму, в котором человек оказался лишь исполнителем социальной роли, диктуемой социальной структурой. Эта теория попыталась объединить социологическое и психологическое понимание человека. Социальное поведение может быть не чем иным, как процессом социального обмена, подобным экономическому обмену. Социальные действия – это процесс обмена целенаправленных усилий на поощрение, участники которого стремятся получить максимальную выгоду при минимальных затратах. Человеческое поведение сходно с инстинктивным поведением животных, предполагает реакцию на такой регулятор, как взаимное подкрепление в процессе общения. Люди вступают в социальные отношения, поскольку ожидают того, к чему стремятся. Если действия ведут к успеху, вознаграждению, они стараются их повторять. Отсутствие ожидаемого вознаграждения вызывает недовольство, а порой агрессию. Обмен бывает симметричным (равным) и несимметричным.

Второй тип обмена – в основе социального неравенства, власти, насилия.

Российская социология интересна и самобытна. Но мы не станем ее характеризовать, отослав читателя к специальной литературе. Это объясняется двумя причинами: 1) своеобразие российской истории социологии связано с историей России (Советского Союза) XX века. Даже эскизное описание заняло бы много места, что в данном пособии не может быть реализовано; 2) искусственное прерывание развития социологии (в 1917 г.) обернулось тем, что содержание учебной программы по этой дисциплине основано преимущественно на наработках западных ученых. Поэтому, если нам удастся понять специфику западной социологии, мы поймем и специфику социологии как науки и лучше будем готовы к пониманию особенностей российской социологии.

3. ИСХОДНОЕ ПОНЯТИЕ СОЦИОЛОГИИ

Любая наука претендует на то, чтобы объяснить какой-либо спектр реальности. Для этого она должна выделить исходное понятие (понятия), ориентирующее в решении поставленных задач. Если исходное понятие не найдено, описание не может быть научным. Потому что, как сказали бы древнегреческие философы, чтобы понять какую-либо реальность, надо выйти на уровень порождающей ее стихии. Например, причиной того, что у волчицы рождается волчонок, а у зайчихи – зайчонок, являются гены. Разгадка тайны поведения волка как хищника хранится в его инстинктах. Химические реакции объяснимы с учетом молекулярного строения вещества. Попытка понять поведение человека в обществе предполагает анализ его культурных ценностей, норм и т. д.

Выделить исходное, родовое понятие в социологии, что показал исторический опыт, не так просто, как можно было ожидать. Точнее: сложно выделить единое, общепризнанное родовое понятие. В его роли могут выступить социальный институт, социальная группа, социальное действие, социальный факт, общество и т. д. И не только могут выступить, но и выступают. Как уже было сказано, в социологии создано множество концепций. В итоге получается: сколько социологов, столько и социологий. Что же предпочесть?

Надо заметить, сходная ситуация складывается не только в социологии. Хотя по количеству концепций социология, несомненно, «входит в группу лидеров». Как ни парадоксально, отсутствие единой версии, многовариантность ответов на один вопрос определяется самой сущностью науки, в которой заложена подобная возможность. Следовательно, ее причина не только в необычайной сложности общества, провоцирующей множество подходов. Как наука социология вынуждена создавать все новые и новые теории.

Дело в том, что наука – более сложный феномен, чем нам кажется. Сегодня научный взгляд на мир представляется нам естественным и единственно правильным. Но научное познание возможно в определенных условиях и при наличии определенных предпосылок. Одной из важнейших, обеспечивших переход от мифологического мышления к научному, является *объективация*. Образы, которые возникают в сознании, могут соответствовать или не соответствовать тому, что есть вне сознания. Человек будет уверен, что соответствие есть, если сможет контролировать образ, повторять его, вызывать нужные следствия. Для этого можно допустить, что наблюдаемый объект лишен внутреннего мира, души (что само собой разумеется в мифологии). Объект полностью развернут в пространстве, раскрыт, не имеет тайн. Например, если у дерева есть душа, то оно без ветра может двигать ветками, причем всегда по-разному. Невозможно знать, как будет вести себя дерево в каждый следующий момент времени, нельзя выстроить теорию. Поэтому наука «убирает» эту неподвластную ей часть объекта, и получает, и изучает «физические предметы», преобразуя любые явления так, что лишает их внутреннего мира. Это нами не осознается, и со временем люди привыкают к тому, чтобы научный взгляд на мир считать естественным.

Подлинная причинность человеческих мыслей, чувств и действий находится не на уровне естественно-научных процессов, а гораздо глубже – в душевной и духовной реальности. Поэтому, если мы ее «убрали», мы убрали и возможность отыскать единое исходное понятие. А если нет основания, можно выстраивать и доказывать любые концепции. Следовательно, можно выбрать любую исходную точку и выстроить концепцию, вполне отвечающую научным канонам. Что мы и видим на практике. Это не значит, что все концепции ложны. Каждая из них отражает какие-то реальные процессы. Причем, что

важно – появляется возможность рассуждать о них не умозрительно, а последовательно, доказательно, подвергать опытной проверке. Но глубинная сущность человека и общества при этом неизбежно ускользает. Следовательно, научность социологии имеет как сильные, так и слабые стороны.

Тем не менее, несмотря на описанные сложности, исходное понятие выделить необходимо. Оно должно фиксировать достаточно элементарный, но жизнеспособный, саморазвивающийся феномен. Указанным требованиям соответствует *«социальное действие»*.

Не всякое действие оказывается социальным. Действие – ограниченное во времени и пространстве целенаправленное усилие. Социальным действием это усилие становится при условии, что является преднамеренным, целенаправленным актом, ориентированным на других людей, их возможные ответные действия.

Самая суть социального действия выражается «ожиданием», т. е. ориентацией на ответную реакцию. Попытка еще точнее обозначить его суть приводит к тяжеловесной фразе «ожидание ожидания ожидания» (М. Вебер). Более или менее значимое действие не состоится, если человек не ожидает (первое ожидание) с достаточной уверенностью, что другие люди ожидают (второе ожидание) от него подобного действия и готовы отреагировать на его действие так, как он ожидает (третье ожидание). Сопряженность взаимных ожиданий как бы порождает особое «магнитное поле», являющееся условием жизни человека в социуме.

Например, если человек едет на велосипеде по лесной тропинке или загорает на лугу – это не социальные действия, поскольку они не нацелены на ответные реакции других людей. И дело даже не в том, что рядом никого нет. Представим, что внезапно пошел дождь и все прохожие раскрыли зонты. И это не социальное действие, но лишь массово-однородное действие, вызванное общей внешней причиной.

Социальное действие должно отвечать двум условиям: 1) преднамеренность, мотивированность; 2) ориентированность на другого (других).

В таком случае социальное действие состоит из элементов: сам деятель с присущими ему потребностями (вызывающими действие) и способностями (целеполагания, прогнозирования и т. п.); цель как ожидаемый результат действия; неконтролируемые деятелем усло-

вия (природные, технические, существующие в обществе культурные традиции и др.); контролируемые деятелем условия (отобранные средства, методы действия, т. е. то, что обусловлено личностными особенностями деятеля, его «Я»).

Понятие «социальное действие» позволяет выделить еще одно фундаментальное понятие, выражающее предмет социологии. Это – *социальная реальность*. Социальные действия, многократно повторяясь, сцепляясь, соотносясь, порождают особую реальность, не сводимую ни к какой другой (физической, биологической, психологической). Это неосязаемая реальность, социальное пространство, социальное поле, где разыгрываются взаимодействия между людьми. Социальная реальность – это сфера обитания человека, сотканная из социальных действий и взаимодействий. Она предполагает и наличие материально-вещественных объектов, ресурсов, технологий, но не включает их в себя, а использует в качестве проводников межличностных отношений, связей, зависимостей. Это интеграция людей на основе культурно-символической коммуникации.

Таким образом, мы берем за основу рассуждений понятие «социальное действие» и в дальнейшем должны показать, в какие социальные феномены оно «конденсируется» в процессе самодвижения. А выделяемые социальные феномены позволят более подробно охарактеризовать социальную реальность.

4. СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ

Социальность – это неотъемлемое свойство человека. Человек социален во всех аспектах своего бытия. Необходима деятельность огромного числа людей, чтобы каждый из нас мог жить. С некоторыми из них мы часто встречаемся, взаимодействуем, с иными – изредка. Множество людей вообще никогда не встречаем. Есть еще предки и потомки. Занимать свое место в обществе – значит быть в точке пересечения множества социальных сил. И эти силы весьма могущественны, в значительной степени предопределяют то, чем мы являемся.

Вся жизнь человека – это история его взаимоотношений с людьми. Люди вступают в социальные связи, так как зависят друг от друга в процессе удовлетворения различных потребностей, реализации жизненных целей и установок. Особое значение имеют *солидарные связи* – взаимопомощь, поддержка и т. д. Такого рода связи

приводят к образованию *социальных общностей*, т. е. совокупностей индивидов, связанных социальными взаимодействиями и обладающих рядом общих черт и относительной целостностью.

Общности возникают, если: во-первых, в данной обстановке и по данному поводу совпадают цели деятельности людей; во-вторых, они руководствуются едиными культурными ценностями; в-третьих, складывается система солидарных взаимосвязей. От сочетания этих трех условий зависит тип общности. При этом решающую роль играет третье условие.

Солидарные связи могут быть *мнимыми, контактными* и *институализированными*. Им соответствуют три типа социальных общностей: *мнимые, контактные, групповые*.

Например, пассажиры одного поезда, пешеходы на Невском проспекте, масса людей, одинаково реагирующая на внешний объект, – все это *мнимые* общности.

В контактных общностях присутствует социальное действие, социальная связь. Но они контактны, т. е. неустойчивы, случайны, кратковременны. Зрители в театре, концертном зале; толпа с ее эмоциональной возбудимостью, повышенной внушаемостью, агрессивностью – примеры *контактных* общностей.

Социальная группа – это устойчивая совокупность людей, взаимодействующих определенным образом на основе взаимных ожиданий соответствующего поведения друг друга. Какая сила заставляет людей объединяться в группы? Объединение происходит при условии, что в группе человек получает выгоды (в широком смысле), превышающие его затраты.

Социальные группы многообразны. Один из важнейших критериев их классификации – характер взаимодействия их участников. Группы с опосредованными взаимодействиями называются *большими*. Группы с непосредственными взаимодействиями называются *малыми*. Малые группы особенно значимы в нашем человеческом становлении. Достаточно назвать семью. В группах происходит *социализация* индивида – усвоение им образцов поведения, социальных норм и ценностей, необходимых для жизни в обществе. Этот процесс происходит всю жизнь, имея качественную специфику в разные возрастные периоды.

Чувство общности предшествует всякому размышлению и аргументации. Различие между внутригрупповыми и межгрупповыми отношениями есть различие между «мы» и «они». Эта оппозиция – условие самоидентификации группы, а также осознания человеком самого себя. Готовность к сотрудничеству внутри группы требует как бы подтверждения в форме отказа от сотрудничества с кем бы то ни было другим. Быть человеком – значит быть признаваемым в качестве человека. Самоидентификация индивида происходит под действием направленных извне ожиданий. Постоянно притворяться очень сложно. Как правило, человек становится тем, кого он играет, каким ожиданиям он соответствует. Здесь уместно вспомнить пословицу: «если человека постоянно называть свиньей, то он и захрюкает».

В многообразии человеческих взаимоотношений можно выделить эмоционально-насыщенные, дружеские, доверительные, родственно-семейные, в которых человек нуждается прежде всего. Реализуют такие отношения *первичные группы*. Другие отношения, более безличные, формальные существуют во *вторичных группах*. Это значит, что множество групп, в которых проходит жизнь человека, играют в ней разную роль. Увы, мир как таковой, как то, что он есть на самом деле – в большинстве случаев закрыт для нас. Но жить мы можем только в мире. Мир создается здравым смыслом, господствующим в важнейших для нас группах. Мир принимается как данность благодаря групповой точке зрения. Мы живем в «потемкинских деревнях» здравого смысла.

Группа дает нам «картину мира», которую мы преобразуем в жизненные планы. Благодаря ей мы способны различать людей и вещи, соответствующие или не соответствующие нашим планам. Искусству нахождения и сочетания целей и средств мы также учимся в группе. Апостол Павел высшую степень развития человека обозначил формулой: «Уже не я, но Христос во мне». Однако путь к этому ведет через ступени: «не я, но группа во мне». Обычно мы и не подозреваем, насколько тесно срослись с групповыми представлениями, ценностями, установками. Причем это не обязательно та группа, к которой мы реально принадлежим. Реальная или условная общность, на мнения и оценки которой ориентируется индивид, называется *референтной группой*.

Таким образом, принадлежность к группе означает нашу социальную зависимость, некие условно очерченные границы, внутри которых простирается наша жизнь. Всегда есть опасность не найти самого себя, не состояться, но остаться «комплексом удовлетворенных ожиданий» группы. Это, казалось бы, исключает свободу. Ведь группа создает нас по своему «образу и подобию». С другой стороны, свобода – социальный феномен, так как вне общества она не имеет смысла. Свобода – не дар, не естественное качество. Свободе надо научиться, даже – завоевать ее. Для этого нужны особые «духовные мускулы», которые можно «накачать» только в обществе, данном нам, прежде всего, в виде группы.

5. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Почему коллективные формы повседневной жизни обладают устойчивостью, существуют десятилетия, даже столетия, хотя людей, их создавших, давно нет – одна из главных загадок социальной жизни. Устойчивость в обществе обеспечивают *социальные институты*.

Слово «институт» происходит от латинского *institutum* – установление, устройство. Жизненный процесс – всегда некая определенность. Биология стала наукой, когда ученые научились классифицировать живые организмы. Образ жизни волка существенно отличается от образа жизни дельфина или дятла. Жизнь животного диктуется инстинктами. Человек ведет свойственный ему образ жизни. Он преодолел (в значительной степени) силу инстинктов. Следовательно, инстинкты не могут определять образ жизни человека. Ему нужны иные способы ориентации, особые установки, позволяющие преодолеть хаос, регулировать социальные связи и отношения.

Социальный институт – это исторически сложившиеся и закрепленные, устойчивые, самовозобновляющиеся виды социальных взаимодействий, призванные удовлетворять те или иные потребности человека. Мы уверены, что, зайдя в магазин, купим необходимые товары; что в библиотеке нам выдадут нужные книги; что в поликлинике нам окажут медицинскую помощь и т. д. Явно действует какой-то невидимый, но надежный, отлаженный механизм, гарантирующий упорядоченность и предсказуемость нашей повседневной жизни. Социальные институты ответственны за воспроизводство социальных взаимодействий.

Многообразии потребностей человека и общества породило множество институтов. Например, потребности в воспроизводстве рода обеспечивает институт семьи и брака; потребности в безопасности и социальном порядке – политические институты; потребности в добывании средств существования – экономические институты; потребности в передаче знаний, ценностей, социализации подрастающего поколения – институты культуры и т. д.

Общая задача всех социальных институтов – в выполнении *функции* приносить пользу обществу и личности. Если же институт наносит вред, это называется *дисфункцией*. Скажем, сотрудник ГИБДД, помимо выполнения своей функции – обеспечения безопасности дорожного движения – берет взятки. Или вуз, наряду с классными специалистами, выпускает в жизнь дилетантов, не способных квалифицированно выполнять свои обязанности, но занимающих рабочие места, высокие должности.

Функции и дисфункции бывают *явные*, если они официально заявлены, осознаются людьми и очевидны; и *латентными*, если они не осознаются. Например, инициаторы «антиалкогольной кампании» в годы перестройки не прогнозировали ряда ее последствий: вырубки виноградников; резкого роста самогоноварения; отравления различными суррогатами и т. д..

В жизни каждого из нас социальные институты диктуют «правила игры», написанные задолго до нас. Хотим мы или нет, но эти правила – реальность, с которой нельзя не считаться. В большинстве случаев мы подчиняемся правилам, потому что это ограждает нас от огромных трудностей. Ведь социальная жизнь – сложнейшее образование, из каждой точки которого расходится множество векторов возможных действий. Что предпочесть, как выбрать? Сущность социального института для каждого из нас уже определена, является единственным оптимальным вариантом поведения. Это эффективно для общества и для человека, и психологически комфортно настолько, что другие варианты действия не приходят в голову.

Надо признать, что социальный институт содержит элемент обмана и самообмана: данный вариант – единственно возможный. Это нормально, поскольку доля условности присуща любому социальному феномену. Проблемы начинаются тогда, когда занимает одна позиция: вариант, выбранный мною, моей группой, семьей, куль-

турой – действительно единственно возможный. Современному человеку надлежит иметь более гибкое мышление, иначе не избежать разного рода конфликтов.

Мы указали на одну из причин действенности социальных институтов, их способности вызывать предсказуемое поведение людей. Назовем другие причины. Для социальных институтов характерно четкое распределение функций, прав и обязанностей участников взаимодействий. Некоторые обязанности исполняют профессионально подготовленные люди. Важную роль играет фактор обезличенности требований к тому, кто включается в деятельность института. Поэтому люди меняются, но заменивший «выбывшего», по сути дела, меняет не его, но заполняет освободившуюся позицию, «ячейку» с заранее заданными функциями. Формы взаимодействия самовоспроизводятся, несмотря на смену индивидов и целых поколений.

Нельзя не упомянуть и функцию *социального контроля*, присущую социальным институтам и усиливающую их эффективность. Ни одно общество не может обойтись без социального контроля, поскольку в противном случае возникает угроза его распада. Контроль опирается на социальные нормы и санкции. *Социальные нормы* – это предписания, требования, правила, определяющие границы допустимого поведения людей в обществе. *Социальные санкции* – это меры поощрения или наказания, стимулирующие людей соблюдать нормы поведения. Отсюда понятно, что любой социальный порядок основан, в той или иной степени, на насилии. Ведь совместная человеческая жизнь предполагает согласование громадного числа потребностей, интересов, ценностей, что невозможно без некоторых ограничений. Контроль может быть *внешним*, со стороны социальных институтов, групп, людей. Но также и *внутренним*, как самоконтроль. Когда мы выбираем вариант поведения из множества возможных вариантов, к тому же кажущихся равноценными, мы совершаем своего рода насилие. Следовательно, мы полагаемся *на силу* нашего суждения, предпочтения, решения, отвергающую все другие возможности в данный исторический момент. В иное время и в иных культурах реализуются иные варианты. В итоге человечество, как единый субъект истории, суммарно обрабатывает и выбирает наиболее оптимальный вариант развития.

6. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Социальная жизнь чрезвычайно многообразна, включает в себя множество факторов. Любой из этих факторов, будь то социальный институт, общность, ценность – не нечто условное, иллюзорное, но реальность, необходимая предпосылка, без которой человек невозможен. Тем не менее за любым социальным фактором стоит человек, его деятельность, его отношения с себе подобными. Если мысленно «убрать» человека, то следствием этого акта была бы гибель всей социальной структуры, в конечном итоге – общества. Поэтому вопрос «что такое человек?» – центральный вопрос не только истории познания, но и истории человечества. Когда ответ будет найден – т. е. когда человек разовьет и реализует все свои возможности, – история закончится. Пока до этого далеко, человек сам себя ставит «под вопрос», а значит – и все остальное. Поэтому мир, Бог, природа, общество, культура могут по-разному представляться – в зависимости от того, какой на данном этапе истории человек ставит перед собой вопрос, а именно, как он себя создает.

Для более полной характеристики человека в общественных науках обычно употребляются понятия «индивид», «индивидуальность», «личность». С одной стороны, это объясняется уже упомянутым триединством структуры человека. С другой стороны, научный подход к человеку требует соблюдения определенной процедуры. Чтобы исследовать свой предмет, ученый должен как бы поставить его перед собой – мысленно или практически. Соответственно, мы «вырываем» одного человека из общей массы человечества в качестве индивида. Затем возвращаем ему отнятую при первом шаге особенность – быть деятелем – и получаем ее следствие – индивидуальность. И в итоге различаем существенные и второстепенные черты и приходим к понятию «личности».

В известном смысле, у человека нет второстепенных черт, поскольку есть то, что так или иначе необходимо. Было бы странным тащить за собой (на себе) на протяжении тысячелетий второстепенные свойства. Они второстепенны в плане их значимости для понимания сущности человека, для его подлинной самореализации. Но в обыденной жизни они могут быть весьма и весьма значимыми для конкретного человека.

Понятием *индивид* обозначают всякого отдельного человека как представителя человеческого рода. Как индивиды люди одинаковы. Различие между ними если и есть, то оно определяется их принадлежностью к различным социальным группам. Так, индивид-ирокез чем-то отличается от индивида-викинга, будучи все же индивидом как единичным носителем родовых свойств человека. Понятие индивид означает, что каждый человек автономен, но он не замкнут в себе и не отгорожен от других людей, является продуктом «первичной переработки» общества. Особую роль это понятие играет при описании людей древнейших эпох. Тогда отдельный человек был преимущественно индивидом, а более глубокое личностное начало выражал, скорее, род или какая-то иная первичная общность.

Являясь продуктом общества, человек действует не автоматически, обладает некоторой самостоятельностью (различной в различные исторические эпохи). Поэтому у него формируются черты, присущие только ему, что отражается понятием «индивидуальность». *Индивидуальность* – это совокупность своеобразных, неповторимых свойств, отличающих человека от других людей. Свойства, как уже говорилось, могут быть существенными и второстепенными. Например, мышление выражает сущность человека, прическа тоже выражает его особенности, но менее существенные. Понятие индивидуальность, условно говоря, не совсем разборчиво, фиксирует любые свойства, выделяющие человека. Это законная процедура. Поскольку такие свойства есть, постольку они должны быть обозначены. Любой человек имеет право на оригинальность. Но если мы хотим подступить к подлинной сущности человека, мы должны выразить его личность.

Понятием личность обозначают не каждого человека, но только тех людей, которые достигли известного духовного развития. Личность способна свободно определять свои поступки, понимать их смысл и нести за них ответственность. Главное в личности – ее нравственное ядро, нравственная ориентация. Однако в социологии это понятие имеет специфику. *Личность* – любой человек, взятый в его социальности, т. е. как носитель устойчивой совокупности качеств, реализуемых в социальной жизни. Иначе говоря, личность – человек, способный самостоятельно и адекватно ориентироваться в социальной реальности. Так, сумасшедший может быть назван и индивидом,

и индивидуальностью, поскольку он является представителем человеческого рода и обладает неповторимостью. Но он – не личность.

Как видим, социология пытается охарактеризовать личность как реального участника социальных взаимодействий. Подобному подходу более всего соответствует *статусно-ролевая теория личности*.

Для лучшего понимания дальнейших рассуждений будем исходить из тезиса, что *общество* – это система наиндивидуальных форм, связей и отношений, которые люди создают своей деятельностью и которые определяют их жизнь. Выходит, общество состоит из отдельных людей, каждый из которых, несмотря на свою индивидуальность, действует определенным упорядоченным образом. Подобно тому, как мы выражаем *свои* мысли на языке, но *не мы этот язык создали*. Любой человек как бы находится внутри невидимых форм, своеобразного «трафарета», который определяет его действия.

Это значит, что каждый человек, включаясь в систему социальных взаимодействий (попадая в ту или иную ячейку «трафарета»), должен выполнять какие-либо функции: врач – лечить людей, учитель – учить детей, строитель – строить дома и т. д. На человека налагаются определенные обязанности, и он наделяется определенными правами. Выполняя ту или иную функцию, человек занимает особую социальную позицию в социальной системе координат. Он вырабатывает устойчивое, предсказуемое и привычное отношение к определенным объектам реальности. Характеристикой этой позиции и является социальный статус.

Социальный статус – это определенная социальная позиция личности в обществе, предполагающая набор прав и обязанностей. Приписывая личности статус, общество признает социальную значимость его деятельности. Каждый человек обладает множеством статусов, так как он входит во множество групп и организаций. Совокупность всех статусов называется *статусным набором*. Но не все статусы равнозначны. *Главный статус* – это наиболее характерный для данного человека статус, с которым его идентифицируют другие люди и с которым он сам себя отождествляет. Главный статус определяет стиль и образ жизни, круг знакомых, манеру поведения.

Статусы могут быть предписанными (прирожденными) и достигаемыми. *Предписанный статус* – тот, который приобретается от рождения, вне личностных усилий (пол, национальность и др.).

Достижимый статус – это позиция в обществе, которую человек выбирает и занимает сам в результате собственной активности (профессия, партийность и др.).

Зная социальный статус человека, мы ожидаем от него совершения типичных действий. Ожидаемое поведение от человека, имеющего определенный статус, называется *социальной ролью*. Это шаблонный вид поведения, направленный на выполнение прав и обязанностей, соответствующих конкретному статусу. Скажем, студенты заполняют аудиторию, зная, что вошедший преподаватель будет читать лекцию, но не исполнять частушки. Статусы выражают социальные отношения, статику общества, роли – социальные взаимодействия, его динамику. Статус выражает сходство людей, роль подчеркивает различия. Потому что, несмотря на типичность ролевого поведения, разными людьми роль исполняется по-разному.

Между статусом и ролью есть промежуточное звено – *ожидания людей* (экспектации). Ожидания могут как-то фиксироваться, тогда они становятся *социальными нормами*. Каждый статус предполагает ряд ролей. Например, статус доцента вуза соотносится с ролями преподавателя, ученого, воспитателя, сотрудника кафедры, автора статей и др. Одни роли могут исполняться лучше, другие – хуже. Совокупность ролей, связанных с одним статусом, называется *ролевым набором*.

Благодаря статусам и ролям поведение человека предсказуемо, надежно, органично вписывается в систему социальных взаимодействий и способствует стабильности общества.

Человек, в отличие от животного, формируется на протяжении долгого времени. Это самый сложный процесс, исследуемый многими науками. Социологию интересует аспект становления человека, выражающий формирование его социальности, т. е. социализация. Социализация происходит под влиянием целенаправленного педагогического воздействия и (или) стихийно под влиянием социокультурной среды. Успех процесса социализации является гарантией того, что новые поколения смогут сменить своих предшественников, переняв их опыт, знания, умения. Неудачи социализации оборачиваются конфликтом поколений, дезорганизацией социальной жизни, возрастанием *девиантного* (отклоняющегося от общепринятых норм) поведения.

Полноправным и полноценным членом общества человек может быть, лишь овладев способом ориентации, присущим обществу. Для этого надо усвоить жизненные навыки, модели поведения, нормы, ценности, знания, функционирующие в данном обществе в данных исторических условиях. Социальная реальность это всегда то, что *определено* людьми в качестве социальной реальности – в живом процессе социальных взаимодействий. Поэтому, оказавшись среди, допустим, австралийских аборигенов и бросив в костер какую-то палку с насечками, мы, возможно, совершили непоправимое: сожгли их «библиотеку» или «музей». Ибо в их социальных условиях эта «палка» функционально соответствует нашим библиотекам и музеям.

7. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Объекты изучения как естественных, так и социальных наук подчиняются универсальной закономерности: с усложнением объекта усложняется его структура. И наоборот: усложнение структуры свидетельствует об усложнении самого объекта. Социология изучает один из самых сложных объектов – общество. Следовательно, мы с полной уверенностью можем предположить, что структура общества отличается особой сложностью. Это предопределяет различные попытки ее реконструкции. Выделим две основные точки зрения на строение общества. Одна описывает его как *социальную структуру*, другая именуется *социальной стратификацией*.

Очевидно, что люди различаются по полу, возрасту, росту, темпераменту, цвету волос и другим *естественным* признакам. Само по себе это не является социальной проблемой. Более того, это условие превращения природного многообразия в социальную целостность. Представьте, что люди были бы одинаковыми, как бильярдные шары. Вряд ли бы у них возникла потребность во взаимодействии, перерастающем в социальную целостность. Ибо взаимодействие имеет смысл как взаимообмен между субъектами, обладающими различными качествами. Обладание одним субъектом тем, чего лишен другой субъект, и, наоборот, взаимное дополнение – превращает их в единство.

Без внешнего воздействия шар не меняет своего положения. Люди же – существа деятельные. Образ жизни человека – деятельность, направленная на создание *собственно человеческих* условий жизни, не обеспечиваемых природой. Активность человека, накладываемая на естественное неравенство, может привести к *социальному неравенству*: сильный господствует над слабым, хитрый – над простаком, богатый – над бедным и т. д. Сама деятельностная активность эволюционирует: развивается разделение труда, изменяются отношения собственности на средства производства и продукты производства. Результатом подобных процессов является социальная структура.

Социальная структура общества – это целостная совокупность всех существующих в нем элементов, взятых в их взаимодействии. Рассмотрев более подробно процесс развития общественного разделения труда, мы выделили бы несколько подсистем (подструктур) общества. Однако в данном случае ограничимся перечислением основных элементов социальной структуры: классы, сословия, жители города и деревни, представители умственного и физического труда, социально-демографические группы, социально-этнические общности.

Поскольку элементы социальной структуры – не конкретные люди (Иванов, Петров или Сидоров), но ячейки «трафарета», заполняемые в разное время разными людьми, то можно сказать иначе: социальная структура общества – это совокупность *социальных статусов и ролей*.

Таким образом, социальная структура предопределяется, в первую очередь, общественным разделением труда. Но труд – не просто самовоспроизводящийся процесс, но процесс, частично «выпадающий в осадок», т. е. порождающий различного рода блага. А блага предназначены для использования людьми. Следовательно, продукты труда – социальные блага – подлежат распределению между людьми. Хаотичное распределение оборачивалось бы гоббсовской «войной всех против всех». Распределение должно иметь *основания*, некий набор *критериев*, объективно сложившийся в данном обществе и вызывающий социальную дифференциацию более детальную, чем в случае социальной структуры, расчленяющую ее элементы.

Кроме естественных различий, между людьми возникают и исторически нарастают *социальные различия*, т. е. такие, которые по-

рождены социальными факторами: разделением труда, укладом жизни, выполняемыми функциями, образованием и т. д. Это выражается в *социальном неравенстве* – различиях между людьми в обладании социальными благами.

Человеческие взаимоотношения столь многообразны и сложны, что осознанная ориентация в них предполагает наличие своего рода *системы координат*. Это пространственное понятие, позволяющее интерпретировать взаимоотношения людей как процессы в «*социальном пространстве*». Тогда положение социальных субъектов можно описывать пространственными терминами: «социальная дистанция», «продвижение по социальной лестнице», «высший и низший класс» и т. д. Теории, объясняющие иерархическое строение общества, называются теориями *стратификации*. *Страта* – это множество людей, которые в данном обществе находятся в одинаковой ситуации. Соответственно, *социальная стратификация* – это понятие, отражающее дифференциацию общества на социально неравные группы.

В социологии выделяют четыре исторических типа стратификации: рабство, касты, сословия, классы.

Рабство – это форма максимально жесткого закрепления людей в низших стратах, когда один человек выступает собственником другого, лишенного всяких прав и свобод.

Каста – это замкнутая группа, которой отведено строго определенное место в общественной иерархии. Так, в Индии – четыре основные касты: брахманы (священники), кшатрии (воины), вайшьи (торговцы), шудры (ремесленники, крестьяне). Имеется еще одна самая низшая каста – неприкасаемые. Человек оказывается в той или иной касте в силу рождения и не может перейти в другую касту. Такая возможность не исключается только в следующей жизни. Касты существовали не везде, но в Индии сохранились до сих пор.

Сословие – это социальная группа, обладающая закрепленными юридически и теологически правами и обязанностями, передаваемыми по наследству. Переход из одного сословия в другое был возможен, хотя и редко. Принадлежность к более высокому сословию могла быть дарована властью за заслуги или куплена. Сословия существовали в феодальном обществе.

Класс (в широком смысле) – большая социальная группа, владеющая или не владеющая средствами производства, занимающая свое

место в системе разделения труда и имеющая специфический способ получения дохода. Такая трактовка класса утвердилась в марксистском общественном сознании. В социологии преобладает другое понимание класса. Класс (в узком смысле) – любая социальная группа в современном обществе, отличающаяся от других доходом, властью, образованием и престижем. Принадлежность к классу никак не регламентирована. Возможен свободный переход из одного класса в другой.

Наиболее распространенным является членение общества на низший, средний и высший классы при использовании одномерной (по доходу) или многомерной (по доходу, власти, образованию, престижу) стратификации. При этом возможно членение внутри класса, например: низший-низший, низший-средний, низший-высший. Чем многочисленнее средний класс, тем стабильнее общество. Несмотря на устойчивость социальной структуры, положение социальных групп и индивидов меняется. Изменение группой или индивидом своей позиции в социальном пространстве называется *социальной мобильностью*. Различают горизонтальную и вертикальную мобильность. *Горизонтальная мобильность* – это социальное перемещение, не связанное с изменением социального статуса. Например, студент переводится в другой вуз на одноименный факультет. *Вертикальная мобильность* – такое социальное перемещение, которое сопровождается повышением или понижением социального статуса. Мобильность, повышающая социальный статус, называется *восходящей* (рабочий становится начальником цеха), понижающая – *нисходящей* (отчисленный из вуза студент).

В зависимости от субъекта (индивид или группа), изменяющего социальное положение, различают *индивидуальную и групповую* мобильность. Индивидуальная мобильность более характерна для стабильно развивающегося общества, групповая – для общества на этапе радикальных перемен, когда меняется социальный статус социальных групп. Индивидуальная мобильность бывает внутр поколенной и межпоколенной. *Внутр поколенная* мобильность означает изменение статуса в рамках одного поколения (рабочий становится директором завода). *Межпоколенная* мобильность – сравнительное изменение социального статуса у различных поколений (сын рабочего становится директором завода).

Нынешнее общество отличается высокими показателями социальной мобильности. Это определяется рядом факторов. Воспроизводство современной социальной стратификации возможно в условиях открытости, отсутствия жестких границ между стратами. Потребности социально-экономического и научно-технического развития придают динамизм социальным процессам. Адекватным внешним выражением исторического и социального состояния современного человека также является социальная мобильность. Поэтому общество, тормозящее социальную мобильность, обрекает себя, по меньшей мере, на застой.

Сказанное не означает, что социальная мобильность осуществляется абсолютно свободно, без преодоления каких-либо препятствий. В этом случае не было бы социальных страт. Но все общества стратифицированы. Следовательно, наряду с особыми каналами социального перемещения имеются и препятствия, своего рода «сито», просеивающее индивидов, позволяющее одним подниматься вверх, а другим – оставаться (опускаться) в низших стратах.

В роли «каналов» социальной мобильности выступают образование, квалификация, политическая карьера, воинская служба, брак с представителем более высокой статусной группы и др. Однако даже самые благоприятные условия не действуют сами по себе. Главный фактор – индивид, его способности, личные качества, активность на пути достижения целей. Тогда «феномен Ломоносова» возможен и не в самых благоприятных условиях.

Препятствием для социальной мобильности является, в первую очередь, социальная структура. Потому что любая социальная структура подбирает себе тех людей, в которых она нуждается для своего функционирования, и исключает тех, кто ей не подходит. Социальные институты четко структурируют социальное пространство, создавая сложный механизм изменения статусных позиций. В обществе существует культурный механизм легитимации неравенства, представляющий собой процесс усвоения людьми ценностных представлений о необходимости и целесообразности сложившейся социальной стратификации. Человеку, воспитанному в определенной социальной среде, бывает психологически трудно приспособиться к другому образу жизни. Последний фактор (в совокупности с остальными) особенно значим при объяснении маргинальности. Процесс утра-

ты индивидом объективной принадлежности к определенной социальной страте без последующего вхождения в иную страту называется *маргинализацией*. Маргинальность указывает на такое положение индивида или группы, когда они оказываются на стыке субкультур, не принадлежа ни к одной из них, или вытесняются на периферию социальной жизни (бомжи, бродяги, преступники и др.). Маргинализация обычно усиливается в условиях ломки старой социальной структуры и формирования новой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Здесь мы поставим точку, оставив за рамками обсуждения множество социологических проблем. Дело не в количестве. Любой процесс, связанный каким-либо образом с человеческими взаимодействиями, может быть рассмотрен социологически. Поэтому вряд ли возможно дать хотя бы перечень социологических проблем. Но специфика социологии раскрывается минимумом примеров, если они изложены именно социологически.

Главная особенность социологии заключается в том, что она является *наукой*. Напоминая об очевидном, мы подчеркиваем то обстоятельство, что социология – способ познания человеком себя и общества на определенном историческом этапе. Многие исследователи античности и средних веков в своих размышлениях исходили из понимания человека как триединства тела, души и духа. Затем по ряду причин (здесь не обсуждаемых) эта идея постепенно «забывается». В 869 г. в Константинополе на Восьмом соборе католической церкви было принято решение считать, что человек состоит из тела и души, а дух был исключен. К XV–XVII векам, в результате становления современной науки, «душа» вытесняется «сознанием». Сформировалось понимание человека, сохраняющееся до сих пор: тело, обладающее сознанием как способностью в идеальных образах отражать многообразие мира. Следствием такого исходного понимания и выступает социология, уподобляясь естественным наукам, т. е. совершив «усекновение» духа и души человека, сведя его к модели, подвластной научным методикам.

Поэтому, объективно оценивая ситуацию, мы не должны требовать от социологии больше, чем она может дать. Разгадывание «зага-

док души» – не ее задача. Чем настойчивее мы углубляемся в социологию, тем чаще ощущаем потребность в освоении иных способов понимания человека – философии, религии, художественной литературы. Человек слишком сложен, чтобы без остатка быть охваченным одним из подходов. И в многоголосом хоре человековедения социология достойно исполняет свою партию.

Какую же пользу мы можем извлечь из изучения социологии?

Мы обречены на то, чтобы жить и действовать в обществе. Хотим мы быть статистами в игре чужих и непонятных социальных и природных сил или сознательными творцами своей судьбы? В этом все дело. Если выбираем второй вариант, должны понимать: *сознательная жизнь требует усилий*. Нет такой инстанции, которая могла бы подарить нам ее. Сознательная жизнь завоевывается. И в этой борьбе, прежде всего с самим собой (своим эгоизмом, страстями, ленью и т. д.), социология – серьезное подспорье. Социология – *современная форма критической мысли*, отвергающая догмы, штампы, переполнившие «закрома» обществознания, и желающая самостоятельно вырабатывать *собственное* видение социальных процессов. Мыслить социологически – значит быть *цивилизованным* человеком. Разумеется, цивилизованность этим не охватывается, но и без социологической составляющей сегодня она невозможна.

Социологические понятия имеют ту особенность, что их «родословная» уходит в *обыденную жизнь*. Следовательно, наша повседневная жизнь продуцирует определенные ориентиры, благодаря которым мы в ней существуем. Эти ориентиры облекаются в слова, которые трансформируются в социологические матрицы или становятся основой, на которую наращиваются иные понятия, превращаясь в специфически научные. Поэтому, с одной стороны, социолог рассуждает о том, что, казалось бы, всем и так известно. С другой стороны, социологический взгляд позволяет увидеть мир в *ином* свете, превратив привычное и банальное в нечто неожиданное, незнакомое. Способность сквозь завесу повседневности увидеть новое, необычное свидетельствует о внутренней активности, о реальной возможности личностного развития.

Социальные взаимодействия устроены так, что предполагают знающего человека. Обладаем мы истинными или ложными знаниями – это другой вопрос. Но жить и действовать как люди мы можем

при условии, что имеем свое мнение по тому или иному конкретному случаю. Очень часто мы не знаем, а *мним*, что знаем. Мнений по одному и тому же поводу может быть очень много, столько, сколько и людей (и даже больше). Что же делать в случае расхождения мнений? *Учиться* слушать и понимать других людей, не навязывая им свою точку зрения. *Учиться* учитывать позиции всех конкурирующих сторон. *Учиться* быть терпимым. Социологическое мышление с его гибкостью, отрицанием претензий на абсолютную правоту, практической направленностью – эффективное средство формирования требуемых качеств.

Лучшее, что может сделать социология, – *подстегнуть наше ленивое воображение*. Сознательная жизнь предполагает умение видеть социальное в индивидуальном, общее – в частном. Каждый человек *нужен* обществу, любая индивидуальная биография переплетается с историей. Это утверждение кажется преувеличением, используемым «для красного словца». Действительно, что изменится в истории, если студент пропустит первую пару и поспит лишний час? Или как может повлиять на историю спящий под забором пьяный бомж? Кто знает, может быть, именно в такого рода ситуациях историей проигрываются более значимые события, чем многие официально «значимые» мероприятия. Так это или не так – заранее сказать нельзя. Кроме нас и вместо нас никто этого ни понять, ни реализовать не сможет. И мы будем соответствовать духу времени только при соблюдении важнейшего условия – умения мыслить адекватно сущности человека и общества. Так мыслить невероятно сложно. Но можно, если *очень захотеть*, овладеть искусством *живого мышления*.

Одной из важнейших ценностей человечества, даже, возможно, смыслом истории является свобода. Развитое мышление, трезвое осознание своего положения – условие свободы. Свободный человек определяет свою жизнь сам. Им нельзя манипулировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Асп Э.** Введение в социологию. – СПб., 1999.
2. **Бауман З.** Мыслить социологически: Учеб. пособие. – М., 1996.
3. **Бергер П.Л.** Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. – М., 1996.
4. **Вебер М.** Избранные произведения. – М., 1990.
5. **Гидденс Э.** Социология. – М., 1999.
6. **Голосенко И.А., Козловский В.В.** История русской социологии XIX–XX вв. – М., 1995.
7. **Громов И.А., Воронцов А.В., Мацкевич А.Ю.** Социология: XIX–XX вв. Учеб. пособие. – СПб., 1997.
8. **Дюркгейм Э.** Социология. – М., 1996.
9. **Зуй М.И.** Социология – мифология – философия (типы сознания) // Социологические исследования. 1996. № 12.
10. **Култыгин В.П.** История российской социологии. – М., 1995.
11. Современная западная социология: Словарь. – М., 1990.
12. **Сорокин П.А.** Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
13. Социологический словарь. – М., 1999.
14. Социология: Учеб. / Ю.Г. Волков, В.И. Добреньков, В.Н. Нечипуренко, А.В. Попов. – М., 2003.
15. **Фролов С.С.** Социология: Учеб. – М., 2000.
16. Энциклопедический социологический словарь. – М., 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ПРЕДЫСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	7
2. КОНТУРЫ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ.....	11
3. ИСХОДНОЕ ПОНЯТИЕ СОЦИОЛОГИИ.....	15
4. СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ.....	18
5. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ.....	21
6. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ.....	24
7. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ.....	28
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	33
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	36

Зуй Михаил Иванович

**ВВЕДЕНИЕ
В СОЦИОЛОГИЮ**

Пособие

Редактор

Р.А. Сафарова

Корректор

Н.И. Михайлова

Компьютерная верстка

Н.В. Гуральник

Подписано в печать 27.06.2007. Формат 60×84 1/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,09. Печ. л. 2,25. Уч.-изд. л. 2,06
Тираж 300 экз. Заказ № С 39

СПбГУНиПТ. 191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, 9
ИИК СПбГУНиПТ. 191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, 9